

УДК 159.9

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА РЕЧИ
В РАБОТАХ А.Л. ПОГОДИНА**

© 2008 г.

Л.В. Блинова

Волго-Вятская академия государственной службы

l-blinova@mail.ru

Поступила в редакцию 08.12.2008

Раскрываются взгляды А.Л. Погодина на психологические и социальные основы творчества речи в конце XIX – начале XX в. Он рассматривает вопрос о языке как одном из главных элементов человеческого творчества и прослеживает процесс становления и развития человеческого языка.

Ключевые слова: психология языка, надстройка над инстинктом, сознание, внутренняя речь, сознание, афазия, ритм.

Современному обществу в условиях роста новых информационных технологий требуется творческая личность, способная не только оригинальным способом решать задачи, но и ставить новые вопросы и по-новому на них отвечать. Творческая личность – это личность, находящая нестандартные решения стоящих перед ней задач. Понятие «творческая личность» объемно и многогранно. Недостаточно сказать лишь о том, что оно определяется творческой способностью личности, ее творческой активностью, навыками творчества, т.е. параметрами ее творческого потенциала. Оно определяется также темпераментом, характером, волей и другими особенностями личности. Основным элементом творческой личности и творчества в целом является язык.

О языке, о его роли в творчестве были написаны работы уже в конце XIX – начале XX века. Книга А.Л. Погодина «Язык как творчество. Психологические и социальные основы творчества речи» (1913) раскрывает одну из назревших задач, которая прослеживает психологический процесс языкового творчества. Книга А.Л. Погодина в 1913 г. считалась единственной, которая попыталась выяснить психологические основания происхождения и эволюции языка.

Александр Львович Погодин [1872–1947], русский историк и филолог-славист. В 1894 окончил Петербургский университет. С 1901 г. магистр, с 1904-го доктор славянской филологии, профессор Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. В 1919 г. эмигрировал из России. В 1919–1941 гг. работал в Белградском университете (с 1939 г. профессор); в 1941 г. после оккупации Югосла-

вии фашистскими войсками был уволен в отставку. Работы Погодина по истории славянских народов и их литературе написаны с позитивистских позиций.

В своей работе «Язык как творчество. Психологические и социальные основы творчества речи» Погодин обратил внимание на вопросы, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Он связывал свой труд с именем А.А. Поттебни, который в своей работе «Мысль и язык» указал пути исследования отношений между мыслью и словом и наметил те вопросы, к изучению которых пришла наука конца XIX – начала XX века. Этот труд положил начало и научному изучению теории поэзии и прозы, и редким исследованиям в области психологии языка.

Обращаясь к проблеме психологии языка, Погодин утверждал, что язык человека есть постоянное творчество мысли, выражение его самосознания. В то время как произвольно выражающееся восклицание артикулированной формы есть продукт инстинкта, – слово является надстройкой над инстинктом. Для того чтобы возникла его внешняя форма, т.е. звуковое сочетание, согласно Погодину, необходимо инстинктивное сотрудничество различных органов: голосовых связок, языка, губ, носонебной занавески. Но для содержания слова, его значения потребовались сложные психические процессы. Таким образом, Погодин наметил план рассмотрения проблемы языка как творчества.

Первое, с чего он начал раскрывать проблему, – это проблема инстинкта, проблема происхождения человеческой речи, которая сводится к выяснению тех особенностей, которые отличают душевную жизнь человека от животной.

Следующая проблема, которую рассматривает Погодин, – это внутренняя речь, характер человеческих состояний, лишенных внутренней речи. Исследуя психологические основания речи, Погодин с большим интересом обратился к духовной жизни глухонемых. Еще одна проблема, которой касается Погодин, это происхождение человеческого языка, развитие психической жизни ребенка. И последнее, что он рассматривает, – это социальная сторона языка (слово, предложение, что первоначальнее).

Разрешать поставленные задачи Погодин начинает с особенностей духовного склада в мире животных.

Научное исследование духовного мира животных в начале XX века, по мнению Погодина, сделало гигантские шаги вперед. Оно отвело от старого наивного уподобления душевной жизни животного человеческой. Научная психология перестала чуждаться зоопсихологии, а наоборот, указывал Погодин, уделяет ей большое внимание. В России начала XX века большая заслуга в основании и пропаганде зоопсихологии принадлежит профессору В.А. Вагнеру, который написал ряд исследований о ласточках, пауках и др.

На примерах и доказательствах многих ученых по зоопсихологии Погодин показывает, что инстинкт у низших животных управляет памятью. У высших к этому присоединяются формы соображения. «Учиться инстинктивным действиям нельзя: они оказываются врожденными... С возрастом у одного и того же животного инстинкты меняются» [1, с. 11]. Приводя примеры различных инстинктивных действий животных, Погодин приходит к выводу, что инстинктивное понимание или постоянная реакция на известное раздражение не есть язык. Психическая жизнь насекомых есть нечто несоизмеримое с нашей психической деятельностью, и поэтому в жизни низших животных нельзя найти зародышей человеческой способности речи.

Рассматривая животных более высокого психического строя – птиц, Погодин приводит нас к мысли, что природа пения, квохтанья птиц основана на инстинкте (возбуждение вызывает крик). Взбираясь выше по эволюционной лестнице животных и сравнивая с психической жизнью человека, Погодин на примерах млекопитающих показывает, что эти животные, благодаря легкости и устойчивости ассоциаций, поддаются дрессировке. Но вне выученных ассоциаций животное остается совершенно беспомощным, т.к. животное не мыслит, не рассуждает. Без языка не существует мышления.

Таким образом, Погодин утверждает, что творчество в области воспринятого с помощью

подражания является способностью только одного человека. Ни одно из животных, считает он, не приближается к этой способности, его духовная жизнь вне творческой речи.

Погодин обратился к проблеме развития внутренней речи, считая этот вопрос полезным для человека согласно общей психологии.

Речь человека, с точки зрения Погодина, возникла, когда человек осознал, что звук, инстинктивно им произведенный, соответствует известному чувству или представлению его, то есть крик превратился в сознании человека, обозначая чувства или представления, в первичное слово, в то время как в животном мире не образ, но чувство вызывает крик. «Человек может руководствоваться в своих поступках образами, которые подчиняют себе его сознание, он может дать волю потоку зрительных или слуховых образов пронестись в его сознании, но когда он мыслит, составляет суждения, то он мыслит только словами. Слова могут сопровождаться образами. Но могут оставаться и только словами, только отвлеченными символами вещей и отношений. Слова могут ассоциироваться не только с образами, но и друг с другом, не выходя из пределов чисто словесных ассоциаций; они могут вызывать те или другие чувства, но могут оставаться и бесцветными в смысле чувственной окраски, быть лишь выражением мысли. Таким образом, внутренняя речь (или мышление словами) является существеннейшим условием в образовании речи внешней, произносимой» [1, с. 29–30].

Погодин старался открыть и другую сторону внутренней речи: «Так как понимание невозможно без сознания, а сознание находит свое выражение в виде мышления словами, то внутренняя речь необходима для понимания других» [1, с. 30], то есть человек должен обладать лабораторией языка, внутренней речью. «Чужие слова воспринимаются как комплексы звуков, в слова они превращаются для нас уже нашим собственным аппаратом речи, который, в свою очередь, приводит в движение органы, необходимые для произнесения слов. Каждое слово, которое мы услышим и повторим, проходит 2 пути: от внешнего мира к нашей внутренней речи, а от нее – к говорению» [1, с. 30].

Следовательно, считает Погодин, если испортится один из этих путей, то человеческая речь прекращается, как и тогда, когда повреждены самые центры речи. Поэтому он более подробно рассмотрел процесс претворения сознания во внутреннюю речь.

В XIX веке для того, чтобы понять значение речи для мысли, к вопросу обратилась психиат-

рия. Психиатр Шарко установил 3 типа внутренней речи, т.е. три рода мышления словами. По учению его школы, мыслить можно словами произносимыми, слышимыми или написанными, то есть это не память, а мышление образами слов, словами написанными или напечатанными [1].

Исходя из этого, Погодин приходит к выводу, что «факты, указывающие на преобладание в том или другом интеллекте двигательных, слуховых или зрительных образов слова, и на наличность их в каждом из них, остаются непровергнутыми фактами и указывают на разные способы приобретения и выражения словесных образов, без которых, вообще говоря, не обходится мышление. Когда эти образы разрежены, мышление бывает сильно поражено; с другой стороны, расстройство мышления, вызванные какими-то причинами, отражаются на ясности и связности речи» [1, с. 49].

Словесное представление, считает Погодин, в нашем сознании обладает единством, т.к. без единства оно не было бы словом человеческой речи. Как только возникло это единство, т.е. сознание того, что и слышимое слово, и понимаемое, и произносимое есть одно и то же слово, образовался язык в человеческом смысле этого слова. До тех пор это слышимое слово оставалось для человека, как для животного, только звуковым восприятием, а произносимое им слово только бессознательным разряжением энергии.

Так как расстройство речи тесно связано с расстройствами психики, Погодин изложил те особенности психической жизни человека, которые являются последствием или выражением различных форм афазии. Афазию Погодин определяет как неговорение. Причины могут заключаться в разрушении центров речи, путей между ними или от них к центрам слуха и центрам мышц речи. В одних случаях, как говорит Погодин, сохраняется способность понимать слова при утрате способности произвольной речи (двигательная афазия), в других – утрата способности понимания чужой речи (чувствительная афазия), в третьих – разрушается путь между слуховым и двигательными центрами, возникает «проводниковая» афазия, утрачивается способность повторять слышимые слова.

Рассматривая примеры больных с различными видами афазии, Погодин пришел к выводу, что для развития человеческого мышления необходима способность говорить, произносить слова, обладать их двигательными представлениями. Повторение чужих слов является одним из источников взаимного понимания и сознания

речи; при всех формах афазии исчезает способность счисления, которое возможно лишь при развитии мышления только словами. При потере способности мыслить словами как символами утрачивается категория частей речи.

Для психологии происхождения человеческого языка выдающийся интерес, как показал Погодин, представила оптическая афазия (1889 г.), т.к. именно здесь ярко выступает связь между образом предмета и его названием. Зрительные представления, по мнению Погодина, играют особую роль в названии предметов. Впечатления зрительные и осязательные прежде всего вызывают у человека потребность называть вещи своими именами. Зрению принадлежит первое место в создании слов как символов.

Таким образом, только ясное сознание, утверждал Погодин, создает ясную речь со словами, передающими впечатления жизни.

Погодин показал на примерах глухонемых и слепых, как создавался язык в первобытное время, так как люди такого склада приближены к древним людям. У нормального человека внутренняя речь принимает форму словесных, слуховых и двигательных образов. У глухонемого, который не научился говорить себе, эти формы отсутствуют, он не слышит никаких внешних звуков и не произносит сам никаких слов. Он руководствуется в жизни только зрительными образами, приближаясь к состоянию идиотизма, как духовной жизни без языка. Совершенно изменяется картина, говорит Погодин, когда глухонемой приобретает способность говорить или писать. Тогда у него может возникнуть двигательная или зрительная внутренняя речь, и духовная жизнь его сразу обогащается средствами отвлеченного мышления, какими обладают нормальные люди.

Подводя итог вышеизложенному, Погодин пришел к выводу, что преобладание зрительных образов в душевной жизни человека придает ей конкретный характер, преобладание слуховых – почти совершенно отвлеченный: и глухонемые, и слепые представляют собою половинных людей. Но чрезвычайная изошренность слуховых представлений у слепых передает те особенности душевного склада человека, которые мы встречаем в среде, обреченной ориентироваться по слуху в сложных условиях существования. Глухонемой представляет собой переживания того уровня развития человечества, когда мышление совершалось еще без слов, в виде смены образов. Образное мышление современного глухонемого и изошренная слуховая познавательная деятельность современного слепца составляли в своей совокупности душевные спо-

способности первобытного человека, который еще не создавал языка, но уже приближался к его созданию.

Мимику и жесты Погодин относил к числу средств сообщения человеком внешним наблюдателям содержания своего интеллекта через выражение лица, позы, жестикуляции. С помощью искусственных жестов объясняются друг с другом глухонемые, богатая жестикуляция и мимика увеличивают впечатление, производимое игрой актеров. Также Погодин указал на роль мимики, жестов в жизни человека и в языкознании.

Рассматривая возникновение языка жестов в Африке, Колумбии, Погодин приходит к выводу, что языки жестов возникают вследствие запрещения говорить словами. Причины замены простого устного языка жестикуляцией у различных народов разные, но это жест рефлексивный, естественный, а не символическое изображение предмета или действия, которое не может быть инстинктивного происхождения.

Интерес к языку жестов для языкознания, по Погодину, заключается в том, что язык жестов, как и язык слов, состоит из символов, которые устанавливаются путем переживания наиболее распространенных или поддержанных тем или другим авторитетом символов, созданных под влиянием различных образов.

Не касаясь психологического значения языка жестов и его отношения к возникновению изобразительных искусств, Погодин указывает, что жест, как изобразительное средство, подвергся той же эволюции, что и слово: «Восходя в своей первооснове к инстинктивному разряжению энергии, жест ассоциировался самим производящим его лицом с известными переживаниями, сделался, как у глухонемых, символом, словом для аффектов, точно так же он был понят и окружающими, так что жест стал средством выражения чувств. Отсюда развивалась и другая сторона жестикуляции, показательная: человек показывал на себя, как на субъект желаний и чувствований, на другого, как на объект их, на предметы, как на источник возбуждения. Когда такое употребление жестов получило всеобщее распространение, стала возможной и более сложная комбинация их для изображения, а не только указания предмета... Жест сделался словом для обозначения конкретных предметов, а потом мог получить метафорическое значение и превратился в знак отвлеченного понятия, справедливости, любви, Бога и т.д.» [1, с. 120].

При исследовании происхождения языка Погодин констатировал, что слово, как главный способ выражения мысли, встретилось с конку-

ренцией других знаков и, как наиболее совершенное орудие чувства и мысли, вошло позже в употребление. Он полагал, что человеку говорящему предшествовал человек жестикулирующий, пользующийся мимикой или простейшими знаками передачи своих несложных чувств и требований, то есть естественное разряжение энергии в звуках, которое сопровождается жестикуляцией и мимикой, превратилось в сознательное выражение чувства по мере того, как жест тесно связывался с определенными состояниями сознания.

Почти тот же процесс происходил и с мимикой человека. Погодин указывает, что мимика, как интонация, произвольна и не подчиняется нашей воле. Связь мимики с настроением оказывается инстинктивного происхождения, а мимика сопровождается восклицаниями и звуками.

Главную роль в мимической передаче аффектов, как показывает Погодин, играют лицевые мускулы. Это он объясняет тем, что мимические движения находятся в тесной связи с органами четырех чувств, соединенных на лице. Из этих органов некоторые отличаются подвижностью (глаза, рот, отчасти нос) и, благодаря развитию их мускулатуры, могут создавать значительное число разнообразных выражений.

Так как мимика понимается в своих формах инстинктивно, то благодаря ей устанавливается ассоциация между чувством и криком, причем мимическое выражение служит соединительным звеном. Стоит этому звену из цепи ассоциаций выпасть, говорит Погодин, чтобы такая связь образовалась непосредственно между звуком и чувством. На этом основан «идеомимический язык», т.е. выражение идей с помощью избранной системы мимических выражений, – настолько же условен, как и язык жестов. Один из исследователей, немецкий художник Рудольф [3], пытался найти основной принцип мимики, исходя из шести первичных выражений: страх, отвращение, желание схватить зубами, радость, озлобление и сконцентрированная энергия.

Но эта сводимость сложных мимических выражений к комбинации простых указывает на то, как долго вырабатывалось у человека современное богатство его мимики, какими сложными явились чувства того существа, которое, еще не умея говорить, уже выражает их на своем лице.

Анализируя данный материал, Погодин пришел к выводу, что мимика подготовила во всем человечестве «зародыш речи», придав инстинктивному крику, благодаря его постоянной связи с выражением лица, постоянное значение,

но сама мимика, считает он, тесно связана с эмоциями, чтобы превратиться в язык.

Обращаясь к вопросам психологии детского возраста и речи детей, Погодин исходит из того, что человеческая речь представляет собой творческий процесс. Взрослый человек, умеющий говорить, пользуется для творческой деятельности материалом, накопленным им с детства. Ребенку приходится создавать этот материал. Как отдельно говорящее лицо, каждый ребенок как бы начинает собой новый язык человечества, то есть каждый ребенок должен совершить тот же труд создания речи, какой совершил первобытный человек, начав говорить.

Таким образом, изучение детской психологии, заключает Погодин, переносит нас в минувшие эпохи жизни современного культурного человечества, позволяя заглянуть в очень отдаленное прошлое. Но ребенок избавлен от необходимости проделать тот громадный путь умственного развития, который привел первобытного человека к сознанию связи между словом и предметом, от труда составлять свой собственный словарь. Ребенок окружен говорящей средой и находится в условиях, благоприятных для возникновения речи, он начинает понимать, для чего служит язык, только тогда, когда достигает известного психического развития.

Погодин проводит аналогию между дикарством и детством, указывая на их разницу в том, что «первое предполагает установившееся духовное состояние, тогда как детство есть состояние всестороннего и непрерывного развития» [1, с. 149].

Таким образом, заключает Погодин, рассмотрев те способности, которые необходимы для возникновения языка, первичные воспоминания человека отличаются аффективным характером. Чувства, возбуждаемые внешними раздражениями, всецело подчиняют себе его внимание, но внимание после этого утомляется и рассеивается. Однако, благодаря разбросанности детского внимания, уточняет Погодин, получается экономия в умственной жизни ребенка: создается множество быстро возникающих ассоциаций, не всегда прочных, но охватывающих огромное количество представлений. На основании устанавливающихся связей представлений возникают и первичные бессознательные формы подражания, которые раскрывают перед духовным взглядом не только внешний, но и внутренний мир.

Погодин рассмотрел характер детских представлений и логику детской мысли, поскольку первое имеет отношение к развитию словаря детской речи, а второе – к особенностям умственной

жизни, еще не обладающей такими средствами обобщения и отвлечения, какие представляются языком, недавно приобретенным.

Погодин подчеркивает, что детское мышление отличается от взрослого индивидуальными представлениями, т.е. представлениями не о предмете вообще, но об определенном предмете. Мышление у неговорящего ребенка, как и у животного, руководствуется ассоциациями. Процесс запоминания предметов, создание индивидуальных представлений поглощает умственную деятельность младенца. Его ассоциации, рисунки устанавливают в духовной жизни ребенка его инвентарь окружающего мира. Познав это и развив потребность к подражанию, дитя переходит к важнейшей деятельности своего умственного развития – называнию предмета, который возбуждает в нем только чувства, а затем начинает вызывать и безразличные в чувственном отношении представления, имеющие познавательное значение.

Погодин рассмотрел процесс возникновения детской речи и ее структурные элементы: 1) самое раннее проявление человеческого стремления к говорению; 2) звуковая сторона детской речи; 3) значение слова и его своеобразие в языке ребенка; 4) грамматическая сторона детской речи, ее этимология и синтаксис; 5) собственное творчество ребенка в области речи (удвоение, придумывание слов); 6) развитие детского «я» в связи с языком.

Поскольку Погодин исследовал социальные и психологические основания творчества языка, потому именно рассмотрение этих вопросов является существенным. На примере развития ребенка супругов Штерн [3]. Погодин отметил следующие этапы первоначального периода языкового развития ребенка до года жизни, которые представляли не столько смену, сколько нарастание: «Ребенок, который в 2 месяца жизни выражает свое удовольствие звуками, продолжает делать это и впоследствии, но только ему становится доступно позже то, что в эти 2 месяца не представлялось возможным. Сначала инстинктивное разряжение энергии в звуках, потом сознательное удовольствие от их произведения, потом попытка подражания и рядом с этим огромное стремление болтать, производя всевозможные звуки, потом ответ звуками на звуки, воспринимаемые от внешнего мира, «щебетанием», как ответ на звуки, производимые няней или матерью перед младенцем, наконец, понимание чужих слов и самостоятельное говорение» [3, с. 193–194].

Рассматривая звуковую сторону детской речи, Погодин опирается на общеустановленный факт, что дитя в период своего болтания произ-

носит всевозможные звуки, но вносит поправку, предложенную Гутцманом, что «артикуляция ребенка несколько выдвинута вперед, так что в его болтовне чаще выступают согласные зубные и губные звуки, гортанные оказываются заученными менее твердо, и потому в позднейшую пору, когда ребенок начинает говорить, представляют для него некоторую трудность. Тем не менее ребенок произносит в этот период разряжения энергии в звуках весьма значительное число самых разнообразных звуков» [4].

Ссылаясь на Меймана [5, с. 160], Погодин отмечает, что фонетически более трудные звуки и их сочетания предшествуют легким. Более трудные звуковые комплексы оказываются нередко более прочными при первых попытках ребенка говорить, потому что их произношение сопровождается более сильным ощущением движения. Этим Мейман объясняет, почему легкие слова дитя очень часто заучивает позже, чем трудные. Погодин отмечает, что артикуляция ребенка очень неустойчива: одно и то же слово варьируется на разные лады.

Погодин подчеркивает, что два процесса – понимание слов и их произнесение – в продолжение первых полутора годов жизни ребенка не зависят один от другого, «но когда первый из них достигнет известного развития, одновременно с этим или несколько недель спустя обнаруживаются первые попытки сознательного говорения. Однако затем понимание чужой речи в своем дальнейшем развитии значительно обгоняет говорение» [1, с. 197].

Рассматривая вопрос об усвоении ребенком значения слов, Погодин отмечает, что возникновение ассоциации между представлениями приводит к пониманию значения слова, это не обходится у младенца без содействия со стороны говорящей среды.

Погодин заключает, что, поняв назначение речи и свою собственную способность общаться с внешним миром посредством языка, дитя становится существом, сознающим свое личное «я». Пробуждение самосознания, совершающееся при помощи речи, представляет один из процессов в развитии душевной жизни человека.

Таким образом, Погодин обозначает пути развития детской речи: инстинктивный крик как рефлекс, как разряжение энергии, крик неудовольствия или восторга, лишенный сознания своего выразительного значения, потом лепетание как одно из выражений общего стремления к движению, к использованию всех своих органов, и начала общения с другими путем полунинстинктивного понимания тонов. Погодин

подчеркивает, что ребенок от природы обладает прекрасным ассоциационным аппаратом; врожденная способность к подражанию открывает ему двери в сокровищницу родного языка. В результате ребенок осознает себя как личность. «Я» становится самоопределяющим центром воли и сознания.

Обращаясь к вопросу о значении слова, Погодин раскрывает психологическую проблему образа, так как образ связан со словом. С его точки зрения, семасиология (учение о развитии значений слова) должна исходить именно из психологического изучения образного мышления человека. Он указывает, что русской науке принадлежит заслуга очень тонкого анализа семасиологии, который был дан А.А. Потебней, Д.Н. Овсяннико-Куликовским и И. Крушевским.

Погодин утверждал, что слово есть эквивалент собственного душевного содержания, а так как у каждого человека есть свое содержание, у каждого человека есть обмен эквивалентом, получающим значение отвлеченного знака. И в этом смысле слово должно быть названо «средством сознания единства образа» [1, с. 149], хотя, конечно, определение Потебни должно быть расширено: словом выражается не только единство образа, но и всякое единство сознания [6].

Анализируя теории Потебни, Овсяннико-Куликовского, Ж. Филиппа. Б.Н. Бет, Погодин приходит к выводу, что уже до человека эволюция животного ума выделила предмет и создала в воображении образ, связанный с эмоциями. В образе идет перевод представления о предмете, с его качествами, о его действии или качествах, которые оттеняют сам образ предмета. Слово закрепило ту или другую черту образа, сделалось обозначением и предмета, и качества, и действия его. Слово, а не образ вошло в работу мысли, считает Погодин. Образ стал гаснуть, но выдвигались словесные представления, создавались понятия, объем которых выяснялся соединением слов в суждениях.

Известно, что историю изучения вопроса о происхождении языка можно излагать двумя способами: историческим и систематическим, т.е. по известным направлениям, в которых шло изучение этого вопроса. Погодин рассмотрел взгляды греческих, римских философов и грамматиков, Лейбница, Харриса, Руссо, Гердера, Гатмана, Гумбольдта, Грима, Гейзе на происхождение языка. Он полагал, что взгляды, высказанные представителями одного из течений, оказывали воздействие и на ход идей у представителей другого направления. Конечно, при таком историческом изложении утрачивается внутренняя связь между теориями одного по-

рядка, но общая эволюция научного изучения становится более наглядной и более определенно обнаруживается, почему в настоящее время устанавливается известная господствующая точка зрения на вопрос о происхождении языка.

Рассматривая хронологический обзор работ, посвященных происхождению языка, Погодин представил свои соображения по этому вопросу.

Он полагал, что при изучении начал человеческой культуры надо выделить человека из всего животного мира как существа, выше развитого в умственном отношении. Первобытному человеку принадлежали способность и стремление издавать звуки задолго до того, как он приобрел речь. Звукоподражание, упражнение органов речи, доставлявшее первобытному человеку удовольствие и удовлетворение, привнесло тот материал, из которого потом сложилась человеческая речь, звуки.

Человечеству, используя звуки, которые вошли в его обиход еще до возникновения бессознательного стремления говорить, принадлежит инстинкт речи. «Понимание тона и жеста предшествует пониманию слов, и, с другой стороны, при утрате словесных образов внутренней речи сохраняется способность понимать тон, ритм, мимику и жест. Следовательно, эти средства предшествуют возникновению языка» [1, с. 549].

Но особое значение Погодин приписывал ритму и считал, что процесс создания языка связан с ритмом работы.

В психологическом плане проблема речи, языка в творчестве и не только, наиболее последовательно развивалась Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия. Так, например, созданная А.Р. Лурия нейропсихологическая школа включает в себя разработку принципа синдромного анализа последствий локальных поражений мозга, в обнаружении единого радикала – фактора (структурно-функциональной единицы работы мозга) как основы нейропсихологического синдрома. На синдромной, или «факторной», основе А.Р. Лурия создал класси-

фикацию нарушений речи (афазий), памяти (амнезий), произвольных движений и действий (анорексий). А.Р. Лурия в своей работе «Язык и сознание» указывает, что «в основе человеческой психологической деятельности лежит, с одной стороны, общественный труд, с другой стороны, язык, который служит средством общения людей друг с другом и важнейшим орудием формирования человеческого сознания».

Возникновение языка, по мнению Погодина, связано с длительным процессом психического развития расы и восходит к моментальному изобретению. «Язык начинается с синтеза, который не знает ни имен, ни глаголов» [1, с. 554].

Таким образом, книга профессора А.Л. Погодина в начале XX в. являлась единственным в своем роде руководством не только для специалистов-языковедов, но и для психологов и социологов. Она стала энциклопедией психологического и социологического изучения языка, раскрывая вопросы о языке как одном из главных элементов человеческого творчества в его возникновении.

Список литературы

1. Погодин А.Л. Язык как творчество // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 4. Харьков, 1913. 554 с.
2. Charcot J-M. Leçons Sur les maladies du système nerveux. Paris, 1890. S. 180–188.
3. Rudolph H. Der Ausdruck der Gemütsbewegungen des Menschen. Leipzig, 1903.
4. Gutzman A. Die Schneitmung des Sauglings. Leipzig, 1902.
5. Meumann E. Die Entstehung der ersten Wortbedeutungen beim Kinde Philosophische Studien. Leipzig, 1902. S. 160.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: Изд-во «Мирный Труд», 1913. 225 с.
7. Погодин А.Л. Формы первобытной общности в связи с мифотворчеством // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 5. Харьков, 1914. С. 479–494.
8. Lerua E. «Le langage interieur» (Annales Medico – psychologigues lalienation mentale etala Medecine leigale des aliens. Paris, 1905. S. 353–375).

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL FOUNDATIONS OF SPEECH CREATION IN A.L. POGODIN'S WORKS

L.V. Blinova

A.L. Pogodin's views on psychological and social foundations of speech creation in late 19th and early 20th century are presented. He believes that language is one of the main elements of human creativity and traces the process of formation and development of human language.

Keywords: psychology of the language, superstructure over instinct, consciousness, endophasia, aphasia, rhythm.